

та этого министерства более слажена и организована, отличалась творческим характером, тогда как в других царил рутинизм [7, с. 262–263]. В то же время другие свидетели тех событий вспоминали о непомерно раздутых штатах центральных учреждений, насчитывавших сотни ничего не делавших чиновников. Учреждения Министерства земледелия, как наиболее полно укомплектованные, служили ярким подтверждением тенденции бюрократизации правительственного аппарата. Руководители ведомства не скрывали, что ориентируются на его дореволюционную структуру, да еще смогли расширить ее за счет ряда учреждений, ранее не принадлежавших министерству. Если учесть, что концепция аграрной политики Временного Сибирского и Российского правительства предполагала передачу значительной части дел земствам, то едва ли оправдано было такое расширение государственного аппарата. Более того, в условиях Гражданской войны в работе министерства доминировала научно-исследовательская составляющая деятельности, выразившаяся в периодических докладах, совещаниях, сборе массы материалов, тщательной подготовке перспективных планов, которым не суждено было реализоваться.

Обе эти оценки отражают отличительные черты работы органов управления сельским хозяйством Сибири и сопредельных регионов при антибольшевистских правительствах. В Омске удалось сосредоточить высококвалифицированные кадры, но в деятельности Министерства земледелия очевиден был перекоп в сторону прожекторства. Большинство подразделений мини-

стерства по своему масштабу не соответствовало малочисленным подчиненным учреждениям. В то же самое время на местах служащие испытывали дефицит информации и элементарных внятных вышестоящих указаний о путях решения сложнейшего аграрного вопроса. Поэтому нередко принимавшиеся решения оказывались результатом местных инициатив, в том числе и идущих вразрез с курсом Министерства земледелия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года) / сост. Е.В. Луков, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. Томск, 1998. Вып. 1.
2. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сб. док. и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007.
3. Решетов А.М. Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы. М., 1999. Вып. 1. С. 81–100.
4. Кузьмин Ю.В. Н.Н. Козьмин – историк, этнограф, краевед // Иркутское краеведение 20-х гг. Взгляд сквозь годы. Иркутск, 2000. Ч. 2. С. 101–108.
5. Снытко В.А., Зуляев Ю.А. Виталий Чеславович Дорогостайский как практик и исследователь сибирской природы // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 4. С. 160–173.
6. Рышков В.М. Охотничье хозяйство Сибири в 1914 – начале 1920-х годов // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : сб. науч. тр. Омск, 2012. С. 182–186.
7. Руднев С.П. При вечерних огнях. Харбин, 1928.

Статья поступила
в редакцию 20.05.2013

УДК 94(47).084.3/084.6

М.С. САЛАМАНОВА

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В 1920-е гг.

канд. ист. наук,
Новосибирский государственный университет
экономики и управления
e-mail: salamatova.m@mail.ru

В статье анализируются основные черты электорального поведения крестьянства в Советской России в 1920-е гг. Поведение крестьян на выборах было неоднородным – варьировалось от протеста до активной поддержки. Степень лояльности крестьян по отношению к советской власти на избирательных собраниях обуславливалась множеством факторов, преимущественно хозяйственно-экономического характера. Наибольшие расхождения у власти и крестьян обнаружились по вопросу формирования состава Советов. Крестьяне при выдвижении кандидатов в депутаты исходили из традиционных представлений о социальной справедливости и трудовой этики, большевики – из идеологических установок.

Ключевые слова: крестьянство, аграрный сектор, нэп, избирательные кампании, советская политическая система, электоральное поведение, гражданская ответственность.

Современные проблемы в электоральной сфере России, связанные с высоким уровнем абсентеизма, политического конформизма, а также с низким уровнем

гражданской ответственности значительного числа российских избирателей, во многом обусловлены историческими особенностями функционирования

советской и российской политических систем. Реконструкция поведенческих аспектов в избирательной сфере в 1920-е гг. позволяет не только исследовать особенности механизма советской политической системы в условиях нэпа, но и проанализировать истоки многих современных электоральных проблем.

Несмотря на обширную отечественную историографию, посвященную выборным кампаниям 1920-х гг., электоральное поведение различных слоев населения еще не стало предметом специального исследования. Советская историография, ограниченная марксистской парадигмой, преимущественно рассматривала выборы в рамках деятельности Советов, руководства коммунистической партии Советами, соотношения социальных групп, классов, классовой борьбы в городе и деревне. При изучении классовых противоречий в деревне в 1920-е гг. в ряде исследований фрагментарно освещался вопрос о поведенческих реакциях на выборах бедняцких, кулацких и середняцких групп крестьянства [1; 2; 3; 4].

Современная отечественная историография, акцентируя внимание на вопросах, связанных с дискриминацией отдельных слоев населения на выборах, нарушениями избирательного законодательства в ходе выборных кампаний и региональными особенностями их проведения, также оставляет за рамками изучения такие проблемы, как формирование электоральной культуры советских граждан, поведение различных групп населения на выборах¹ [5; 6]. Вместе с тем, указанные вопросы имеют ключевое значение для понимания сложившихся электоральных традиций в России.

При всей значимости городов и пролетариата для большевиков именно от ситуации в аграрном секторе в 1920-е гг. зависело благополучие города, устойчивость режима, судьба индустриализации. Исход выборов в значительной мере зависел от поведения 80 % сельского населения страны, поэтому итоги выборов в деревне вызвали пристальный интерес руководства большевиков, а их результаты подвергались детальному анализу и обсуждению, нередко вызывая острые дискуссии².

Выборы в деревне в рассматриваемый период характеризовались рядом особенностей. Прямыми они были только в низовые органы власти (сельсоветы), во все остальные – от волостных Советов до Всероссийского съезда – для крестьян они были многостепенными (количество этапов варьировало от двух до четырех в зависимости от уровня съезда Советов). Значимой

особенностью выборов данного периода являлось равенство представительства жителей города и деревни в советских органах власти. Конституции РСФСР 1918 г. и 1925 г. предусматривали пятикратное преимущество городского населения над сельским для всех уровней съездов Советов³.

В советской избирательной системе 1918 г. были отменены или существенно демократизированы большинство дискриминационных и технических цензов. В результате в деревне получили право голоса женщины и молодые люди, достигшие 18 лет. Наряду с этим сохранялась цензность права, часть населения отстранялась от участия в выборах по различным основаниям. Часть зажиточного крестьянства лишалась избирательных прав в силу применения трудового ценза (использование наемного труда, торговля, нетрудовые доходы и т. д.).

К числу особенностей советской избирательной системы также можно отнести открытый характер голосования на избирательных собраниях и короткий срок полномочий депутатов сельсоветов. Так, статья 57 Конституции 1918 г. ограничивала срок полномочий депутатов низовых Советов тремя месяцами, однако данная норма никогда не реализовывалась на практике. В реальности в 1920-е гг. выборы депутатов в сельсоветы проводились раз в год или раз в два года.

Первые избирательные кампании 1920-х гг. в сельской местности характеризовались отсутствием какой-либо унификации избирательного процесса. Избирательные процедуры существенно различались в разных регионах страны. Это касалось норм представительства на выборах, работы избирательных комиссий, определения круга лиц, лишенных избирательных прав, проведения выборных собраний, процедуры голосования и т. д. [7, с. 33]. Выборы начала 1920-х гг. отличались высокой степенью формализма, использованием административного давления на избирателей, диктатом правящей партии. Для власти приоритетной задачей на выборах было избрание лояльных составов Советов. Д.М. Корчагин отмечает, что «к 1924 г. избирательный процесс для властей превратился в упражнение в политической статистике, став максимально формализованным и бюрократизированным»⁴.

Крестьянство на формальное отношение реагировало слабым интересом к выборам и низкой явкой на избирательные собрания. Явка населения на выборы в сельсоветы в 1922 г. составляла 22,3 %, в 1923 г. – 37,2, в 1924 г. – 32,4 % (данные по 40 губерниям, в которых проводились выборы до отмены их результатов) [8, с. 11]. Впрочем, причинами высокого абсентеизма населения в первой половине 1920-х гг. являлись не только самоустранение граждан от голосования и пассивный протест, но и целый комплекс организационно-технических и социальных причин [9, с. 217–220].

Отмена результатов выборов 1924 г. стала итогом анализа ситуации в деревне, предпринятого массово-

¹ *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2003; *Морозова Н.М.* Лишение избирательных прав на территории Мордовии 1918–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005; *Корчагин Д.М.* Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Причерноморья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Тютюнник М.В.* Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2009.

² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 2–237.

³ СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582; 1925. № 30. Ст. 218.

⁴ *Корчагин Д.М.* Указ. соч. С. 17.

го обследования этих выборов [10, с. 14]. Массовый абсентеизм и протесты крестьян на выборах у части большевистского руководства вызвали опасения за устойчивость режима.

В письмах, поступивших от крестьян в ходе выборной кампании 1924 г. во ВЦИК, содержались жалобы на оказываемое давление, формализацию избирательного процесса, многочисленные нарушения избирательных процедур, пренебрежительное отношение к мнению избирателей или представителям крестьянского сообщества. Крестьяне сообщали, что они не желали выступать в роли статистов, одобряющих заранее утвержденный партией список⁵. Вполне типичной являлась жалоба на нарушения проведения выборов в Мальчевский райисполком Донецкого округа Северо-Кавказского края. Рассмотрение жалобы показало, что при выдвижении кандидатов в члены и председатели райисполкома мнение участников райсъезда не учитывалось, кандидатуры были заранее утверждены окружным комитетом РКП(б). Председатель избирательной комиссии в ответ на предложение некоторых делегатов съезда выдвинуть кандидатов в члены райисполкома самому съезду заявил, что делегаты съезда «меньше знают, кого следует из лучших наметить», и предложил принять список комфракции⁶.

Электоральное поведение крестьянства в ходе первых избирательных кампаний было крайне неоднородным. С одной стороны, в ряде регионов, в том числе в Сибири, исследователи отмечали высокий уровень протестных настроений, слабую поддержку советской власти, нежелание участвовать в выборах [11, с. 47, 153]. Протестные настроения преимущественно носили пассивный характер и выражались в форме абсентеизма на выборах и игнорировании требований власти.

Другие источники фиксируют относительно лояльное поведение крестьян на выборах, которое сами крестьяне объясняли общим доверием к победившей советской власти и надеждами на лучшую жизнь с новой властью. В сводках информаторов ВЦИК, различных обследованиях, жалобах крестьян подчеркивается уважение к основателю советского государства, готовность проголосовать за «некудышных кандидатов, чтобы не обидеть советскую власть и Ленина»⁷. Крестьяне жаловались на местных уполномоченных, советских и партийных работников, которые «извращали решения партии», при этом не выступая против власти, считая ее «своей», народной⁸. Данная линия поведения крестьян вполне вписывается в традиционное крестьянское восприятие власти: позитивное – центральной и критическое – местной власти (что неоднократно отмечалось исследователями⁹).

⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 83. Л. 56–94; Д. 86. Л. 27–84.

⁶ Там же. Л. 74.

⁷ Там же. Оп. 105. Д. 79. Л. 17.

⁸ Там же. Д. 212. Л. 87–94.

⁹ Мальцева С.И. Социально-политические преобразования советской власти в западносибирской деревне: отношение к ним крестьянства (1923–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002.

В целом поведение крестьян на выборах в начале 1920-х гг. значительно варьировало по регионам; крестьянство в тех районах, где оно значительно пострадало от Гражданской войны и ничего не приобрело от прихода к власти большевиков, оказывало им минимальную поддержку на выборах. Лояльность поведения на выборах зависела и от степени состоятельности хозяйства крестьян. Зажиточные, а зачастую и средняцкие слои были настроены негативно к советской власти, прежде всего из-за огромного налогового бремени, разорения хозяйства, отсутствия реальной помощи. Бедняцкие слои, ощущая поддержку новой власти, демонстрировали большую лояльность и готовность голосовать за кандидатов, утвержденных местными ячейками партии.

Объявленная политика «оживления Советов» внесла существенные коррективы как в избирательный процесс, так и в электоральное поведение сельских жителей. В директивах высших партийных и советских органов содержались требования «вовлечения широких масс беспартийного крестьянства в советскую работу и превращение Советов в органы, действительно представляющие интересы крестьянства» [12, с. 6]. Применительно к избирательным кампаниям это выразилось в расширении круга избирателей, создании организационно-технических условий для активного участия населения на выборах, уменьшении административного давления со стороны местных партийных и советских работников, в обсуждении на отчетных собраниях практических вопросов, интересовавших крестьян.

Ослабление партийно-государственного регулирования выборов привело к заметному увеличению активности населения, к содержательному насыщению избирательных собраний отчетами, наказами, обсуждению кандидатур, предлагаемых в депутаты. Явка крестьян на выборы в сельсоветы в кампанию 1925/26 г. составила 47,3 %¹⁰. В ходе кампании 1925 г. отмечались факты, когда крестьяне забаллотировали утвержденные партийными ячейками списки кандидатов, предлагая обсудить персональный состав сельсовета или выдвигая своих кандидатов в депутаты¹¹. Это существенным образом изменило составы сельских Советов, в них значительно сократился удельный вес коммунистов и бедноты, увеличилась доля представителей середняков¹².

Несмотря на высокую активность, относительную свободу и неформальность поведения крестьянства в избирательную кампанию 1925 г., высокого уровня конфликтности не наблюдалось. Крестьяне критиковали местных представителей власти, обсуждали текущие хозяйственные проблемы, формировали наказы, но призывов к свержению советской власти или фак-

¹⁰ Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг.: стат. сб. М., 1926. Ч. 1: Городские советы, сельские советы, волсезды, волисполкомы. С. 13.

¹¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 82. Л. 47.

¹² Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. С. 26–28.

тов поддержки оппозиционных партий даже от зажиточной части крестьянства не было.

Типичным поведением на избирательных собраниях представителей местных партийных и советских органов власти были растерянность и самоустранение. Они не понимали, как вести себя в изменившейся ситуации, и оказались не готовы к неконтролируемой активности населения на выборах, выдвижению собственных кандидатов и критике действий властей. Запрет на применение привычного им административного давления на участников выборного процесса выявил неумение работать даже в условиях конкуренции с беспартийным кандидатами. Это вызвало серьезную обеспокоенность высшего советского и партийного руководства, высказывались мнения «о захвате Советов нэпманами и кулаками»¹³. Большевики всерьез опасались, что продолжение политики по либерализации режима и демократизации выборов приведет к большим проблемам с удержанием власти, чем массовый абсентеизм начала 1920-х гг.¹⁴

Перед следующими избирательными кампаниями советским руководством была поставлена сложная выполнимая задача «управляемой активности» – привлечь максимум населения на выборы, но при этом обеспечить необходимые составы Советов (с увеличением доли бедняков и коммунистов или их преобладанием). Зачастую не понимая, как достичь желаемого результата, местные работники возвращались к сложившейся практике начала 1920-х гг. – использованию административного ресурса. Хрупкий баланс между властью и населением, достигнутый на выборах 1925 г., разрушился уже к кампании 1928/29 гг. Нагнетание «кулацкой угрозы», прессинг на зажиточную часть крестьянства посредством налогообложения и лишения избирательных прав, активизация бедняцких организаций в деревне изменили ситуацию на выборах с относительно спокойной на агрессивно-напряженную. Эти меры существенно повлияли на составы сельских Советов, позволив избрать в них желательных для власти депутатов¹⁵.

На выборах в деревне 1920-х гг. центральным являлся вопрос о несовпадении представлений крестьян и большевиков о составе Советов. Партийные ячейки, руководствуясь центральными директивами партии, включали в списки кандидатов представителей бедняцко-багтрацкой части деревни, женщин и комсомольцев.

Крестьяне видели своими представителями в советах мужчин – глав успешных хозяйств, уважаемых крестьянским сообществом, грамотных, способных отстаивать точку зрения крестьянской общины перед властью (чаще всего это были главы крепких середняцких хозяйств). Мнение крестьян о депутатах во многом определялось представлениями о трудовой этике крестьянства. Крестьяне оценивали своих представителей

в первую очередь в зависимости от их трудолюбия и умения вести хозяйство.

Крестьянин Пиножанской волости Халтуринского уезда Вятской губернии Михаил Замотаев, направивший письмо в газету «Беднота» по итогам выборной кампании в 1927 г., выразил широко распространенное мнение крестьян: «партячейки не вполне умело рекомендуют кандидатов в члены сельсовета, иногда рекомендуют неавторитетных, имеющих единственное качество, что они бедняки или батраки»¹⁶.

Навязывание крестьянам в качестве кандидатов в депутаты представителей маргинальных групп в крестьянском сообществе вызывало острое неприятие. Депутат, тем более председатель сельсовета – представитель местной власти, в глазах крестьян не мог быть неуважаемым, неграмотным, ничего не сумевшим добиться человеком (батрак, бедняк, молодежь).

В отношении женщин срабатывали патриархальные традиции; крестьяне полагали, что хозяйством не может руководить женщина, которая в семье занимала подчиненное положение. К тому же большинство женщин были неграмотны и не имели опыта взаимодействия с властью. Инструкторы ВЦИК, обследовавшие выборы в 46 волостях РСФСР, отмечали, что «крестьянки жалуются, что мужчины их высмеивают и выгоняют с собраний»¹⁷. Представители власти, которые должны были отстаивать женские кандидатуры, разделяли взгляды основной массы крестьян на роль женщин в обществе и не всегда могли это скрыть. Например, председатель Чернявского волысполкома Рязанской губернии, предлагая кандидатуру женщины в депутаты сельсовета, сделал оговорку: «Извините, товарищи, что вам придется проголосовать за женщину»¹⁸.

Само участие в выборах рассматривалось как сугубо мужское занятие (выражаемое фразой «не бабьего ума дело»). Недоумение вызывало само наделение женщины статусом депутата. В докладе председателя Центризбиркома Я.В. Полуяна в 1927 г. констатировалось, что «отношение мужчин к выдвижению женщин в депутаты колеблется от снисходительного до открыто враждебного»¹⁹. Несмотря на то, что женщин под давлением представителей власти избирали в Советы, к ним оставалось скептическое отношение в деревне, декоративный характер таких «депутаток» крестьянам был очевиден.

Аналогичную реакцию вызывало и выдвижение в депутаты комсомольцев и молодежи. Негативная реакция на выдвижение молодежи была обусловлена отсутствием у нее жизненного опыта и собственного хозяйства. Кандидатуры комсомольцев старались осмеять и опорочить на выборах, их обвиняли в пьянстве, хулиганстве, что «они ничего еще не сделали», «у них нет своего хозяйства, из всех забот – по девкам бегать»²⁰. Исключением стали молодые успешные хо-

¹³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 721. Л. 7.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 80–89.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 327.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 105. Д. 148. Л. 156–156 об.

¹⁷ Там же. Оп. 101. Д. 151. Л. 307.

¹⁸ Там же. Л. 308.

¹⁹ Там же. Оп. 103. Д. 82. Л. 50.

²⁰ Там же. Оп. 103. Д. 82. Л. 74.

зяева, бывшие красноармейцы, к их избранию крестьяне относились более благожелательно, говорили, что «они – грамотные, им и новую жизнь обустроить»²¹.

Неприемлемыми кандидатурами в местные органы власти для большей части крестьян являлись и представители беднейших слоев деревни. Большинство крестьян считало бедняков и батраков «лодырями», в крестьянских жалобах высказывались претензии к советской власти, поддерживавшей в первую очередь бедняков и батраков: «Все их заслуги в том, что они пьют, лодырничают, да завидуют, они свое хозяйство не могут наладить, что ж они будут делать с сельсоветом?»²². Сотрудник орготдела ВЦИК, проверявший проведение избирательной кампании в Центрально-Черноземной области в 1928 г., отмечал массовое сознательное невключение батраков и бедняков в сельизбиркомы и в списки кандидатов в сельсоветы, под различными предлогами: «а у нас нет подходящих батраков» или «они не изъявили желания»²³.

И.С. Кузнецов, исследуя вопрос о взглядах крестьянства на социальные различия, справедливо отмечает распространенность стереотипа «бедняков-лодырей» и убеждения сельских жителей в том, что благосостояние зависит от умения работать на земле [13, с. 56]. Хотя автор считает, что этот стереотип был не всегда оправдан, хозяйства могли разоряться по различным причинам, тем не менее, стремление власти «превратить маргинализированную, наименее культурную часть сельского населения в политического лидера» вызывало неприятие и непонимание у остальной части крестьянства [13, с. 57].

Идеологические установки большевиков представляли бедняков и батраков максимально близкими к пролетариату социальными слоями, естественными союзниками рабочего класса и опорой диктатуры пролетариата в деревне. Власть предпринимались значительные усилия по превращению бедняцко-батрацких слоев в политический авангард. Эти установки вызывали скептическое отношение не только у остальной части крестьянства, но и у работников земельных органов [14, с. 13]. В результате беднейшие слои деревни оказывались в Советах только благодаря административному нажиму представителей власти.

В связи с особенностями проведения избирательных кампаний в 1920-е гг. крестьяне воспринимали выборы как способ не только избрания представителей в органы власти, но и диалога с властью, возможность обсудить волновавшие проблемы. При этом крестьяне рассчитывали на равноправный диалог с советской властью, надеялись на уважительное отношение к их мнению. Изменение политической ситуации в стране в 1925 г. позволило отчасти реализовать эти чаяния. На выборах собраниях крестьяне задавали представителям власти множество вопросов после их отчетного доклада, обменивались мнениями по проблемам внут-

ренней и внешней политики, высказывали пожелания, критические замечания в адрес власти и т. д. Один из сотрудников ВЦИК весьма точно охарактеризовал поведение крестьян на выборах 1925 г.: «отношение крестьянства к советской власти критически-деловое с практическими предложениями. Преимущественно требования о благоустройстве, улучшениях в разных сферах»²⁴.

Наиболее популярными темами обсуждения на выборных собраниях становились вопросы из области хозяйства, землеустройства, торговли и благоустройства²⁵. Второе место по количеству вопросов занимала внутренняя политика государства: крестьян интересовало все – от наличия ресурсов на индустриализацию до внутривластной борьбы²⁶. Далее следовали темы, связанные с международным положением страны. При этом своеобразное преломление находили самые нелепые слухи²⁷.

На выборах собраниях регулярно поднималась тема социальной справедливости – неравноправия между рабочими и крестьянами, реже – служащими и крестьянами. Крестьяне высказывали упреки: «рабочему классу сейчас живется лучше, чем крестьянину, а про крестьян власть мало вспоминает»²⁸, требовали уравнивания политических и экономических прав с пролетариатом, повышения налогов для рабочих и даже снижения зарплаты рабочим. В этом проявлялось как традиционное соперничество города и деревни, так и болезненно воспринимаемые преференции для рабочих, введенные большевиками после революции. Вопросы и требования крестьян на выборах представляли собой причудливое переплетение традиционных крестьянских представлений о справедливости власти с мнениями о новых советских реалиях и практическими соображениями относительно улучшения их хозяйственной жизни и быта.

* * *

Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. было неоднородным, варьируя от протеста до активной поддержки властей. Поведение крестьян на избирательных собраниях определялось целым комплексом факторов – внутренней политикой государства, ситуацией в конкретном регионе (экономической, социальной, политической), принадлежностью к определенной социальной группе крестьянства и т. д. Протестные настроения носили преимущественно пассивный характер, крестьяне редко шли на открытый конфликт с властью на избирательных собраниях. В начале 1920-х гг. крестьяне, недовольные формализацией выборного процесса, предпочитали игнорировать выборы, демонстрируя высокий уро-

²⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 82. Л. 46.

²⁵ Там же. Д. 721. Л. 31; Оп. 106. Д. 254. Л. 9–9 об.; Д. 527. Л. 42–47; Д. 529. Л. 26–28, 270–278.

²⁶ Там же. Оп. 106. Д. 254. Л. 9 об.; Д. 527. Л. 42; Д. 523. Л. 24–25.

²⁷ Там же. Д. 254. Л. 9 об.; Д. 527. Л. 39–44.

²⁸ Там же. Д. 529. Л. 278; Д. 523. Л. 24–25.

²¹ Там же. Оп. 106. Д. 242. Л. 132.

²² Там же. Д. 253. Л. 18.

²³ Там же. Д. 242. Л. 136.

вень абсентеизма. Лишь в конце 1920-х гг. прямые провокации власти в ряде случаев приводили к конфликтам зажиточной части с беднейшими слоями и представителями власти на выборных собраниях. В целом вопрос о влиянии различных факторов на электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. нуждается в отдельном и углубленном исследовании.

Наибольшие расхождения на выборах у большевиков и крестьянства выявились по вопросу о составе Советов. Несмотря на социальную неоднородность советской деревни 1920-х гг., крестьян объединяли традиционные представления о социальной справедливости, трудовой этике, которыми в значительной мере и определялся выбор депутатов в органы власти. Крестьяне видели своими представителями глав успешных хозяйств, уважаемых крестьянским сообществом. Большевики, ориентируясь на идеологические установки, выдвигали в Советы женщин, молодежь, представителей беднейших слоев деревни и членов правящей партии, что нередко вызывало неприятие в крестьянской среде. Точкой компромисса становилось включение в Советы представителей, как предлагаемых властью, так и крестьянским сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуцин Н.Я., Ильных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. (1920-е – сер. 1930-х гг.). Новосибирск, 1987.
2. Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1936 гг.). М., 1968.

3. Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции (1926–1937 гг.). Томск, 1982.

4. Лепешкин А.И. Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.). М., 1966.

5. Тихонов В.И., Тяжелыникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1999.

6. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2004.

7. Владимирский М.Ф. Организация Советской власти на местах. М., 1921.

8. Гурвич С. Выборная кампания в деревне в 1924 г. // Власть Советов. 1925. № 11. С. 10–12.

9. Саламатова М.С. Абсентеизм в контексте советских избирательных кампаний 1920-х гг. // Вестник НГУЭУ. 2013. № 2. С. 215–224.

10. Итоги работы Совещания по советскому строительству // Власть Советов. 1925. № 15. С. 1–4.

11. Ильных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995.

12. Калинин М.И. Основные вопросы нашей внутренней политики // Власть Советов. 1925. № 1. С. 6–7.

13. Кузнецов И.С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920-х гг. на социальные различия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2002. Т. 1, вып. 3. С. 55–62.

14. Месяцев П.А. Классовое направление аграрной политики и подъем производительных сил в сельском хозяйстве (к вопросу об объектах и методах работы в области агрономии и землеустройства) // Жизнь Сибири. 1925. № 5. С. 11–24.

Статья поступила
в редакцию 19.05.2013

УДК 94(47).084.5

С.М. СТАСЮКЕВИЧ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1922–1928 гг.

канд. ист. наук,
Дальневосточный государственный аграрный университет,
г. Благовещенск
e-mail: svetasms@inbox.ru

В статье показано формирование агропродовольственной политики Советского государства на Дальнем Востоке, раскрыты ее основные аспекты: отказ от заграничных поставок и достижение самообеспечения региона. Сделан вывод о том, что результатом реализации агропродовольственной политики явился кризис на хлебном рынке региона.

Ключевые слова: хлебный рынок, аграрная политика, продовольственное снабжение, нэп, Дальний Восток.

Аграрная политика советской власти на Дальнем Востоке в 1920-х гг. изучалась преимущественно в плане реализации ее земельной, налоговой, кооперативной и социально-классовой составляющих. Важнейшие аспекты аграрной политики – пути и способы обеспечения населения региона продовольствием –

практически не освещались в работах дальневосточных историков [1; 2]. В настоящей статье предпринимается попытка восполнить этот пробел.

В октябре 1922 г. на Дальнем Востоке закончилась Гражданская война, одним из следствий которой оказалось возникновение продовольственной зависимости